

УДК 328.34

И.А. Шкурихин

ОСОБЕННОСТЬ ЛЕГИТИМАЦИИ РЕШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ НА ПРИМЕРЕ РЕЗОНАНСНЫХ ЗАКОНОВ 2012 г.

Легитимация парламентских решений многими рассматривается как функция соблюдения легитимированных ранее законодательных процедур. Такой формальной легитимности в статье противопоставлена неформальная, коммуникативная легитимность. Процессы легитимации решений ГД РФ в 2012 г. рассмотрены в рамках трех контекстов парламентских обсуждений, относящихся ко второму чтению – формирование повестки, обсуждение поправок и выступления по мотивам голосования. Анализ фреймов парламентских коммуникаций в каждом из контекстов показал, что существует раскол по линии власть – оппозиция, который выражается в отказе от поиска компромиссных решений в ходе дискуссии с обеих сторон.

Ключевые слова: парламент, коммуникации, легитимность.

Общеизвестно, что избрание нового состава Государственной думы РФ в декабре 2011 г. было встречено массовыми акциями протеста, связанными с недоверием россиян к подсчету голосов. В глазах значительной части общества избранные депутаты получили власть нечестно, что подрывает легитимность любых принимаемых Думой решений. Тем не менее в таких условиях депутаты от четырех прошедших в Думу партий не сложили своих полномочий, а приступили к процессу законотворчества. В связи с этим нас будет интересовать вопрос: каким образом депутаты в ходе парламентских дискуссий обосновывают легитимность принимаемых законов?

Согласно формальным правилам парламентской процедуры для легитимации большинства законов в Государственной думе требуется набрать простое большинство голосов. Но помимо формальной легитимации (которой, как в случае выборов, оказалось недостаточно), необходимо придать закону политический вес. Это достигается посредством тщательной, основательной аргументации и поддержки со стороны всех или большинства заинтересованных групп. Характер «неформальной легитимации» лучше всего можно проследить на примере принятия спорных, неоднозначных законов. В 2012 г. наибольшие разногласия, неоднозначное восприятие в обществе вызвали четыре закона: «О клевете», «О митингах», «Об иностранных агентах», «О цензуре в Интернете». Все законы были приняты в июне – июле 2012 г. на фоне обострившегося конфликта между институализированной верховной властью (в мае состоялась инаугурация В. Путина и был определен состав Правительства РФ) и несистемной оппозицией. Комментируя логику принятых законов, известный телеведущий Владимир Познер написал

в своем блоге: «Я бы позволил себе сказать, что все законы, принятые в последнее время Государственной думой, – при внешней корректности – на самом деле, по сути, являются репрессивными: они принимаются из расчета полной подчиненности судов исполнительной власти» [1]. Значительная часть интернет-сообщества, участники протестных акций 2011–2012 гг., безусловно, разделяют эту точку зрения. Очевидно, что и депутатам Государственной думы было известно об этих умонастроениях, и в своих аргументах за и против принимаемых законов они вынуждены были учитывать позицию общественности.

Мы будем анализировать язык парламентских дискуссий с точки зрения его концептуально-когнитивных рамок, или фреймов. Согласно Т. ван Дейку, фрейм – это общее, конвенциональное знание, организованное вокруг некоторого концепта [2. С. 16]. Фреймы парламентской коммуникации позволяют интерпретировать речевые акты депутатов и являются важнейшими условиями для правильного и успешного использования языка в парламентском общении [2. С. 18]. В нашем случае успешность понимается как придание закону большего политического веса и легитимности.

С учетом объема работы мы вынуждены ограничить спектр изучения процедур обсуждения законопроектов до второго чтения. Ввиду того, что обсуждение концепций законопроектов в первом чтении и формальное их утверждение в третьем вызывают меньший уровень политического противостояния, из нашего поля зрения не выпадут вопросы легитимации принимаемых решений. В ходе второго чтения депутаты сталкиваются с тремя коммуникативными ситуациями: определения повестки дня, рассмотрения поправок и выступления по мотивам голосования. Наш даль-

нейший анализ будет посвящен выявлению фреймов, управляющих коммуникациями депутатов в обозначенных ситуациях.

Определение повестки дня. Депутаты от оппозиционных фракций при рассмотрении резонансных законопроектов выступали с предложениями убрать их из повестки или перенести на другой срок. Для этого они использовали достаточно широкий круг аргументов: неподготовленность проекта закона, изменение его концепции ко второму чтению, недостаточно широкое обсуждение с общественностью и заинтересованными сторонами, опасность их для общества и для авторитета государственной власти. Аргументы против рассмотрения законопроекта, как правило, не находили отклика у представителей партии власти, в связи с чем уместна ирония депутата от «Справедливой России» Д. Гудкова «Я, конечно, поддерживаю предложение исключить из повестки пункт 58, но, если вдруг палата не поддержит это решение...» [3]. Парламентское большинство не вступает в дискуссии по повестке, а утверждает свою позицию посредством голосования. Из рассмотренных кейсов только один раз партия власти поддержала инициативу оппозиции: когда Д.Г. Гудков предложил передвинуть рассмотрение вопроса «о митингах» на более раннее время в связи с огромным числом (более 400) поправок, которые предстояло обсудить. В ответ на это председатель комитета по конституционному законодательству и государственному строительству депутат от фракции «Единая Россия» В.Н. Плигин признал это предложение конструктивным и попросил Думу поддержать [3]. Таким образом, этот фрейм можно охарактеризовать следующим образом: партия власти слушает предложения оппозиции, но в 99% случаев не принимает их. В этом фрейме преобладает формальная легитимация повестки.

Обсуждение поправок. Во втором чтении обсуждаются поправки к законопроекту. Участие в обсуждении согласно Регламенту и на практике принимают только авторы поправок и председатель ответственного комитета. В результате все обсуждение сводится к комментированию председателем комитета предложений от депутатов. Вне зависимости от качества предлагаемой аргументации депутаты практически в 100% случаев поддерживают позицию комитета. Особо хочется выделить два случая противостояния: О.А. Нилов против П.В. Крашениникова по законопроекту «О клевете» и И.В. Пономарев против Я.Е. Нилова в обсуждении закона «Об иностранных агентах». В

первом случае встал вопрос о горизонте применения закона [4]:

О.Нилов (СР): *«Уважаемые коллеги, я, когда выступал по этому закону, уже критиковал позицию авторов: они решили побороться с ложью, но только с самой незначительной её частью – с клеветой, которая порочит честь, достоинство конкретного лица, подрывает его репутацию. Естественно, я не соглашаюсь с этим, я предлагаю бороться в первую очередь с ложью, которая подрывает репутацию власти, а значит, и государства, с ложью, которая звучит из уст самой власти...»*

П. Крашениников (ЕР): *«Вы предлагаете слово "клевета" заменить на "ложь", и тогда будет: ложь – это ложные сведения. Замечательно! Все вы знаете, что у нас в праве используется термин "ложные сведения", а "ложь" – это немножко более ёмкое выражение, и в юриспруденции оно, в общем-то, как я уже сказал, не используется.»*

Ответ председателя комитета отвергает предложение депутата от «Справедливой России» по формальному признаку – его отсутствия в современной юриспруденции. При этом не принимаются во внимание те проблемы, на которые в дальнейшем указал автор поправки (ложь, приводящая к потерям из госбюджета, к искажению народной воли при оглашении результатов выборов и др.), и право законодателей вводить новые понятия. По обсуждению нескольких связанных друг с другом поправок О.Нилов сделал вполне корректное замечание своему оппоненту: *«Павел Владимирович, как вы отвечаете?! Я вас спрашиваю про одно – вы отвечаете про другое!»* [4], на что П. Крашениников никак не отреагировал. Парадокс ситуации в том, что каждую из поправок О. Нилова поддерживало более 100 депутатов, но ни вступить в полноценную дискуссию, ни повлиять на исход голосования они фактически не могут.

Спор о понятиях возник также в дискуссии между И. Пономаревым и Я. Ниловым. Нужно отметить, что перед тем, как началась очная дискуссия между Ниловым и Пономаревым, депутат Б.С. Кашин (КПРФ) указал на проблему с терминологией [5]:

«Я думаю, не один я в детстве любил читать книжки про чекистов, и была очень неплохая книга про приключения майора Пронина, так вот там был интересный такой персонаж – майор Пронин, который всё время искал иностранных агентов, однако кончилось всё это, к сожалению, тем, что про Пронина стали рассказывать анекдоты.»

Ответ Нилова был следующим:

«В Российской Федерации существует и широко применяется как в законодательстве, так и в повседневной жизни, понятие "агент" – вы знаете, есть и ритуальные агенты, и рекламные агенты, и транспортные агенты. Ну, и моё личное убеждение: негативный оттенок, о котором вы говорите и который якобы имеет термин "иностраннный агент", – всё это предрассудки периода холодной войны и советского прошлого, от которых надо потихонечку отходить».

Очевидно, что уже при ответе на первое замечание аргументы председателя комитета выглядят неубедительно: историко-культурные ассоциации со словосочетанием «иностраннный агент» представляются более сильным фактором формирования общественного мнения, чем законодательство. А в повседневной жизни большинства россиян намного вероятнее будет работать стереотипное, а не логически стройное мышление. Возможно, потому Нилов смягчил свою позицию: «Ну, и мое личное убеждение», т.е. нет притязания на представление общественных взглядов; «надо потихонечку отходить», т.е. автор признает, что от этих предрассудков можно уйти, но не скоро. Тем не менее поправка была отклонена. Далее возник спор по поводу реестров НКО [5]:

И. Пономарев: *«Мы считаем, что создание каких-то особых реестров, в которых должна регистрироваться организация в качестве иностранного агента, является недопустимой дискриминацией участников гражданского общества...»*

Я. Нилов: *«По мнению комитета, организации, которые получают внешнее финансирование и занимаются политической деятельностью на территории страны, являются организациями, обладающими особым статусом, и в связи с этим концепцией, которая была принята при рассмотрении законопроекта в первом чтении, подразумевается ведение подобного реестра, поэтому ваша поправка не созвучна с концепцией законопроекта. Комитет предлагает её отклонить».*

Ответ Нилова не опровергает тезиса о дискриминационной функции реестра. В целом ряде дальнейших поправок Пономарев указывает на элементы такой дискредитации в виде дополнительной и более частотной отчетности, самоунижения в СМИ, давления со стороны правоохранительных органов в форме внеплановых проверок, возможности без суда приостановить деятельность и т.д. Все пункты достойны самых серьезных дебатов, но обсуждение ограничивается аргумента-

ми Нилова, которые, как минимум, не более убедительны, чем аргументы Пономарева.

Обобщая анализ фрейма обсуждения поправку, можно заключить, что в ходе такого обсуждения теряется довольно много сильных аргументов, а поскольку большинство из них предлагается депутатами от парламентской оппозиции, то это свидетельствует о ригидности фракции «Единая Россия». На этот факт обратил внимание и сам участник дискуссии: выступая по мотивам голосования, И. Пономарев заявил, что *«депутаты "Единой России", которые сидят в этом зале, абсолютно не слушают и никак не реагируют на ход обсуждения»* [5].

Выступления по мотивам голосования. Эта процедура осуществляется перед голосованием по законопроекту в третьем и окончательном чтении и предполагает выражение консолидированной позиции парламентских групп по всему законопроекту в целом. Из выступлений депутатов, представляющих позиции фракций, очевидно, что они опираются на решение фракции, принятое до заседания. Такой подход применяется и в других парламентских системах, считающихся образцами парламентаризма (в частности, в Бундестаге). Но у него есть большой недостаток, который состоит в том, что при принятии законодательного решения фактически не учитывается аргументация, предлагаемая в ходе второго чтения.

В рамках этого подхода легитимность принимаемых решений может рассматриваться как нахождение компромиссов между политическими группами. Практика обсуждения рассматриваемых четырех законов показала, что, несмотря на то, что законы «о клевете» и «о митингах» не были поддержаны ЛДПР и резко отрицательное отношение к ним выразили КПРФ и «Справедливая Россия», тем не менее были приняты без дополнительных обсуждений. На грубый силовой подход фракции «Единой России» оппозиционеры отвечают речевой агрессией:

По закону «О митингах» [3]:

А.Е. Локоть (КПРФ): *«Вы знаете, есть такая традиция в последнее время, плохая традиция: у каждого созыва Государственной думы... вернее, у фракции большинства в каждом созыве Государственной думы есть своя чёрная метка».*

С.В. Иванов (ЛДПР): *«Всё, что мы с вами обсуждали на протяжении многих часов, – это фобия, фобия "Единой России", которая испугалась протестных настроений».*

С.М. Миронов (СР): *«Потому что то, что сегодня делаете вы, господа "единороссы", – это*

плевков в наш народ накануне большого праздника – Дня России. Хороший подарочек вы подготовили, потому что иначе как устрашением народа, затыканием рта народу этот одиозный законопроект назвать нельзя».

По закону «О клевете»:

Б.С. Кашин (КПРФ): *«К сожалению, вот из этой тяжёлой ситуации кремлёвская администрация нашла самый неправильный выход – выход с помощью репрессий и запугивания оппозиции. Мы видим, что комплексно реализуется очень примитивная стратегия устрашения: у нас арестовывают участников демонстраций и заодно премируют полицейских, у нас угрожают депутатам, снимают с них неприкосновенность, у нас уходит от ответственности тот, кто, собственно, и осуществлял эту фальсификацию, – и вся эта программа реализуется, к сожалению, через парламент, который за один день готов проштамповать пока любой документ, – вот так вы сделали вывод из прошедшего кризиса!»*

И.В. Пономарев (СР): *«Ради кого вообще принимается этот закон – ради простых людей? Убеждён абсолютно, что это не так, ведь мы прекрасно понимаем, каким образом работают наши суды и кто будет в первую очередь обвинён в клевете: тот, кто пойдёт говорить про чиновника, что он недобросовестно выполняет свои обязанности, тот, кто будет говорить про судью, что он несправедливо судит, тот, кто будет говорить про "единоросса", что он жулик и вор, – вот кого прежде всего поведут в суд».*

По закону «Об иностранных агентах»:

И.В. Пономарев (СР): *«Честно говоря, вообще непонятно, зачем мы тут сидим (шум в зале), непонятно, зачем мы приходим на пленарные заседания, зачем мы сотрясаем этот воздух. (Сильный шум в зале.) Зачем мы выдвигаем аргументы друг другу, если мы их не собираемся никак образом учитывать, если партия власти как проводит свою линию, так её и реализует?»*

Таковыми выступлениями, оппозиционеры публично демонстрируют ущербность законов, показывая обществу, что их принятие ущемляет народные интересы, а вся ответственность переносится на партию власти. Показательно в этом смысле высказывание Г.В. Гудкова: *«Поправка номер 1 – это то, что "Единая Россия" боится авторства. Мы предлагаем добавить авторство, и пусть "Единая Россия" отвечает за весь этот закон перед народом»* [5]. Его лейтмотив относится практически ко всем рассмотренным законопроектам, кроме закона «О цензуре в Интернете», где депутаты проявили редкое единодушие [6].

Основной фрейм, функционирующий на этом уровне, для оппозиции – «вы (партия власти) принимаете закон – вы за него и отвечайте», а для партии власти – «мы обсуждали закон свободно и открыто, соблюдали Регламент в ходе обсуждения – значит, все правильно». Партия большинства, очевидно, опирается на внешнюю, формальную легитимацию, на создание видимости дискурсивности парламентских процедур.

Заключение. Анализ парламентских дискуссий по резонансным законам 2012 г. показал наличие политического раскола внутри Государственной думы по линии власть – оппозиция. Этот раскол проявляется во всех трех рассмотренных нами коммуникативных ситуациях: в обсуждении повестки дня власть не прислушивается к мнению оппозиции, во время обсуждения поправок бездумно поддерживает председателя комитета, а при обосновании мотивов голосования фактически не замечает пропасти разногласий, которые не удалось преодолеть посредством обсуждений. В связи с этим мы можем констатировать, что российские парламентарии мало заботятся о неформальной легитимации законов, что является крайне опасной и рискованной в плане дальнейшего развития парламентаризма позицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Познер В. Все законы, принятые в последнее время Госдумой, – репрессивные (опубликовано 18 июля 2012 г.): Сайт РБК. Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/18/07/2012/660514.shtml>.
2. Деик Т. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 12–41.
3. Стенограмма обсуждения проекта Федерального закона № 70631-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" (в части уточнения порядка организации и проведения публичных мероприятий, прав, обязанностей и ответственности организаторов и участников публичных мероприятий)». Пленарное заседание Государственной думы РФ, от 5.06.12. Режим доступа: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/2511213> (свободный).
4. Стенограмма обсуждения проекта Федерального закона № 106999-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части усиления ответственности за нарушение конституционных прав граждан). Пленарное заседание Государственной Думы РФ, от 13.07.12. Режим доступа: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/2531119> (свободный).
5. Стенограмма обсуждения проекта Федерального закона № 102766-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Пленарное заседание Государственной Думы РФ, от 13.07.12. Режим доступа: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/2531105> (свободный).
6. Стенограмма обсуждения проекта Федерального закона № 89417-6 "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (в части ограничения доступа к информации в сети Интернет). Пленарное заседание Государственной Думы РФ, от 11.07.12. Режим доступа: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/2528302> (свободный).